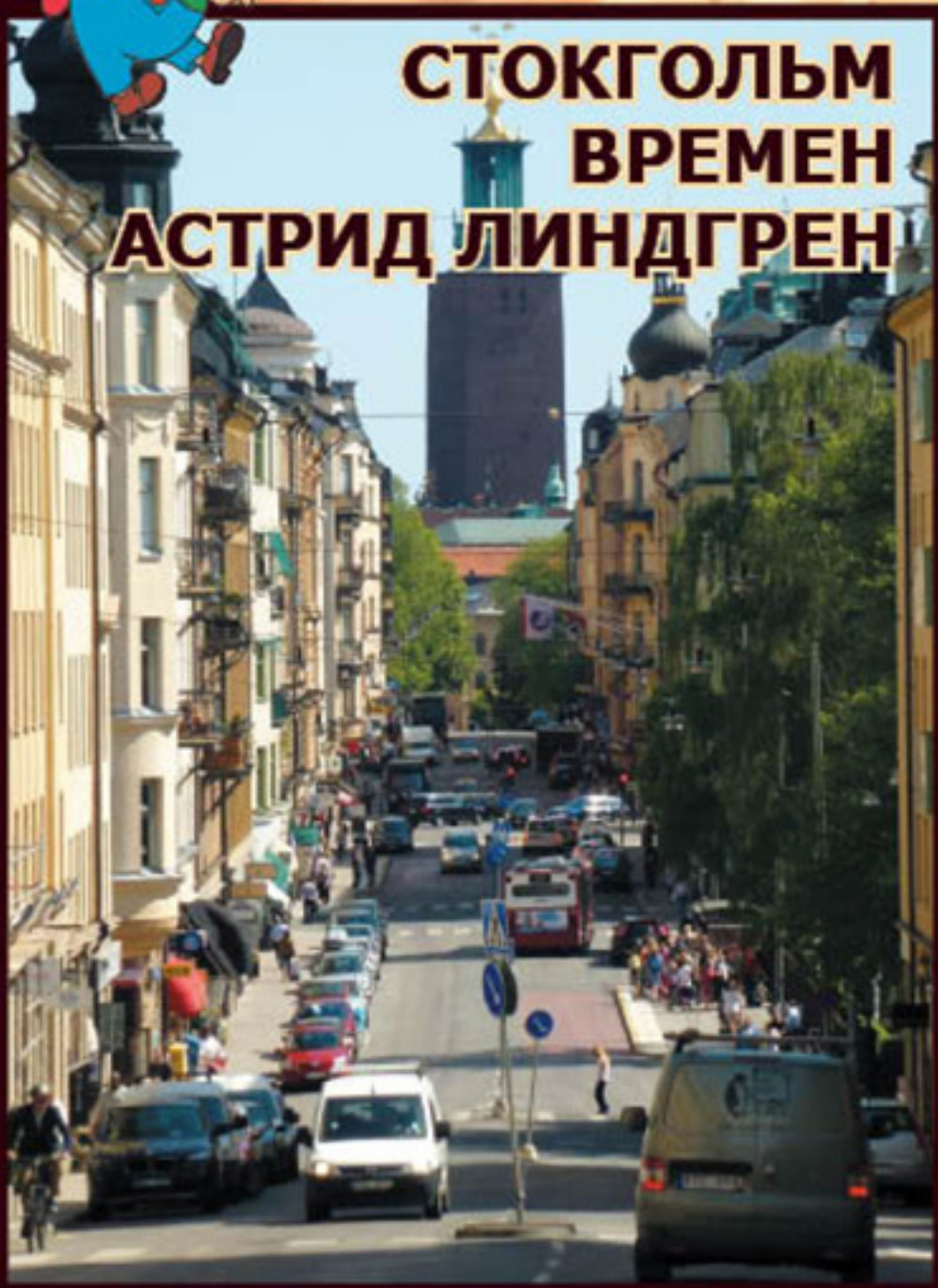

Татяна ЧЕСНОКОВА

СТОКГОЛЬМ ВРЕМЕН АСТРИД ЛИНДГРЕН

История повседневности

Татьяна Чеснокова

**Стокгольм времен
Астрид Линдгрен.
История повседневности**

«Автор»

2012

Чеснокова Т. А.

Стокгольм времен Астрид Линдгрен. История повседневности /
Т. А. Чеснокова — «Автор», 2012

Что могла купить на одну крону Астрид Линдгрен в свои юные годы в Стокгольме? Зачем нужен фрак с шифром? И в чем особенности столичной рыбалки? Ритуал повседневности предстает в рассказе о жизни шведской столицы XX века, об истории города, традициях и обычаях его жителей в будни и праздники. Это Стокгольм, увиденный глазами писателей и художников, историков и социологов, горожан и гостей. Издание адресовано всем, кто интересуется шведской историей, литературой и страноведением. Автор – переводчик-скандинавист, ею написаны книги «Россия-Швеция: диалог культур» (2004), «Шведская идентичность» (2008), «Шведско-русский и русско-шведский словарь «ложных друзей переводчика» (2011).

© Чеснокова Т. А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
I. «НА СОВЕРШЕННО ОБЫКНОВЕННОЙ СТОКГОЛЬМСКОЙ УЛИЦЕ»...	9
II. «МИР ТАК ВЕЛИК, И НА СВЕТЕ ТАК МНОГО ДОМОВ!»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Татьяна Чеснокова

Стокгольм времен Астрид Линдгрэн. История повседневности

ВВЕДЕНИЕ

Много ли мы знаем о Стокгольме? Столица соседней страны – королевства Швеция, город, раскинувшийся на островах (стокгольмские шхеры)... Конечно же, родина Карлссона! Для русских читателей этот забавный герой Астрид Линдгрэн стал частью их собственного детства, а благодаря ему полюбили и стокгольмские крыши.

Я иду в знаменитый музей шведской писательницы в Стокгольме – Юнибаккен. Сажусь в крохотный вагончик «Сказочного поезда». Гаснет свет, в наушниках зазвучал голос гид-рассказчика, все вокруг погрузилось во тьму, мы словно едем куда-то, и время от времени передо мной вспыхивает свет, озаряя чудесные миниатюрные макеты, которые изображают различные сцены из произведений Линдгрэн. Вот Эмиль на своем хуторе, вот пожар в доме и братья Львиное сердце, а вот и Карлссон: болтается на ниточке, привязанной к пропеллеру, парит над Стокгольмом, и под ним – городские крыши, черные, будто лакированные, с трубами, лесенками, затейливыми переходами, мансардами... Целый ландшафт!

Карлссон – это стокгольмец. Тогда почему же в шведской книге «Столицы скандинавских стран» Стокгольм представляет Эмиль, крестьянский мальчик из южной провинции Смоланд? Дело в том, что Эмиль – любимый герой и самой писательницы, и читателей в Швеции и в других странах. Кроме России. Поэтому мы берем с собой в путешествие по городу нашего Карлссона, наиболее любимого нами с раннего возраста из всех героев самой популярной в России шведской детской писательницы, почти ровесницы века. Вместе с ним познакомимся с повседневной жизнью Стокгольма XX столетия, который именно за этот период времени превратился из небогатого, провинциального по духу городка в Интернет-столицу Европы, как назвал его американский журнал «Ньюсуик» на рубеже тысячелетий. Ибо Стокгольм времен Астрид Линдгрэн – это, конечно же, город XX века.

Есть Стокгольм туристический, с его непременно атрибутами: сувенирными викингскими шлемами, расписными даларнскими лошадками, «Тре крунур» – тремя желтыми коронами на синих майках (цвет шведского флага), – с обязательным посещением Королевского дворца, музея корабля «Васа», этнографического музея Скансен... Такой туристический стереотип восприятия города подчас раздражает самих шведов. Когда в середине 1990-х годов издатель Клас Бриттон задумал новый, англоязычный, журнал «Stockholm New», специально для иностранных читателей, он ставил себе целью изменить это традиционное восприятие шведской столицы, показать Стокгольм и исторический, и современный, творческий, представить его национальную кухню, музыку, дизайн. Все это, кстати, действительно приобретает мировую известность.

Мы же расскажем о повседневности, о городской жизни и горожанах, об их буднях и праздниках. И, возможно, на нашей картине Стокгольм подчас предстанет с необычной стороны, – ведь в нем есть квартал под названием «Сибирь», прямо напротив Королевского дворца ловится много видов рыб, а над центром города можно пролететь на воздушном шаре, что запрещено во всех других столицах мира.

Рассказывая о повседневной жизни шведской столицы, мы будем обращаться к работам историков, социологов, этнологов, журналистов, опираться на личные впечатления. Не менее важным представляется образ Стокгольма в художественной литературе и искусстве. Кроме

Астрид Линдгрэн, есть ряд известных шведских писателей, создавших целую галерею литературных персонажей и оставивших нам очень непохожие и всегда притягательные картины Стокгольма. По ним мы сможем судить о том, как менялся облик столицы, и что именно выходило на первый план в разные эпохи, что казалось примечательным.

Певцом Стокгольма и первооткрывателем жанра городского пейзажа в шведской литературе стал Карл Микаэль Бельман, поэт XVIII века. Его называют «шведским Анакреоном», вспоминая древнегреческого поэта, который в своих одах восхвалял любовь, вино и плотские утехы. Анакреонтической можно назвать и поэзию Державина в русской литературе. В XVIII веке средоточием городской жизни в Стокгольме был Старый город. На этом островке, в тесноте скученных улочек, и кипела жизнь горожан. Было подсчитано, что в те времена в столице имелось семьсот питейных заведений. Там-то и можно было встретить героев Бельмана, которые неотделимы от образа старого Стокгольма. В бельмановской поэзии мы видим городские кварталы, трактиры («Три кубка», «Новая земля», «Зеленая роща»). Известное «Послание Фредмана» № 48 описывает переправу Уллы Винблад, героини поэта, через озеро Меларен. Перед нами предстают картины квартала Мариенберг, окраины того времени, и его обитателей:

*«Вон Мариенберг. Видна
И лачуга сзади,
Пооблезла и бледна
Краска на фасаде. <...>
Благовест и барабан!
Трубит Еппе тише.
Распевает как цыган
Трубочист на крыше.
Пекарь булки ставит в ряд,
Угли в кузнице горят,
Под ружьем пыхтит солдат,
Солнышко все выше».¹*

Традиция изображения города в литературе идет от Бельмана к Стриндбергу и Сёдербергу, классикам XIX–XX веков. К концу XIX века Стокгольм все еще напоминал маленький городишко времен Бельмана: на Хумлегордене, где теперь Королевская библиотека, можно было увидеть пасущихся коров. Такая сцена описана в знаменитом романе Августа Стриндберга «Красная комната». Но уже в начале XX века Яльмар Сёдерберг приблизился к воплощению нового, современного Стокгольма, который переживал бурный рост урбанизации и постепенно входил в круг больших европейских столиц. Этот писатель изображал городскую жизнь как хаотичную, анонимную, хотя многие его герои еще узнают друг друга на улице. В наши дни существует такое понятие, как «Стокгольм Сёдерберга», как есть, например, «Петербург Достоевского».

Яльмар Сёдерберг вырос в буржуазной семье и жил в доме рядом с Эстермальмсторг. Но сёдерберговский город сосредоточен в квартале Норрмальм. И сам писатель, и его литературные герои, меланхоличные молодые люди, часто собирались в баре отеля «Рюдберг», на площади Густава Адольфа. Книги Сёдерберга в определенной степени рассказывают и о том, как менялся город: из конкретных реалистических описаний мы многое узнаем о городской жизни, улицах и домах, магазинах и ресторанах в районе площади Густава Адольфа. Но эти описания в то же время очень лиричны, импрессионистичны, так как образ Стокгольма в романах Сёдерберга – это заснеженные улицы, синие сумерки, неясный свет фонарей. Автор любил

¹ Пер. со шв. С. В. Петрова//Бельман К. М. Послания, песни и завещания Фредмана. СПб., 1995. С. 51–53.

рисовать городской пейзаж, и город является в его творчестве полноправным действующим лицом (романы «Заблуждения», «Юность Мартина Бирка», «Доктор Глас», «Серьезная игра»).

Многие герои его произведений – новички в Стокгольме, приехали из провинции. Арвид Шернблум из «Серьезной игры» временами тоскует по Вермланду, в столице же он снимает комнату возле Кунгсхольмена. Сегодня это – одна из центральных частей Стокгольма, но тогда она была местом, где кончался город! Мартин Бирк, тоже провинциал, любит огнями большого города. Он счастлив своей принадлежностью к Стокгольму, глядя на зажигающиеся на набережной фонари...

Сёдерберг был кумиром для своих современников, вокруг него всегда собиралась молодежь. Его друг и поэт Бу Бергман включил в свой сборник «Стокгольмских стихотворений» поэтическое обращение «К тени Мартина Бирка».

Город в поэзии – на эту тему шведская поэтесса и переводчица Анн Смит составила антологию «Стокгольм глазами поэтов»². Городские мотивы, запечатленные поэтами, имеют не только художественную, но и историческую ценность. Мы видим излюбленные снежные пейзажи в стиле Сёдерберга, которые вновь и вновь вдохновляют поэтов на протяжении всего XX века. «Снегопад в сумерках на Эстермальме» (1986) Ингрид Арвидссон разрастается до вселенского мироощущения:

*Город, как жизнь, исчезает.
Блекло умрут фонари.
Тихо выпадут звезды
Из всех домов земли.
Ничего не вижу я больше:
Башен, решеток ли, стен...
Снег метет, забирая
Город в бесшумный плен.*

А после суровой северной зимы весенний Стокгольм кажется воздушным замком, плывущим по сиреневым водам Стрёммена, – таким его рисует Анна Рюдстедт.

Дыхание и сутолоку торговых площадей передает Карл Сунден («Стокгольм», 1980): повсюду лавчонки со всевозможными редкостями, изобилие экзотических вещей, персидские ковры, горячий черный кофе. «Сказочная Атлантида» Сундена – космополитический город, в него и из него ведет множество путей.

Поэтические раздумья у могил известных личностей – жанр не новый и продолжает культивироваться в шведской поэзии. Как в 1950-е годы Нильс Ферлин слагал стихи над могилой Бельмана у церкви св. Клары, так и Ёста Фриберг предается раздумьям в 1980-е годы, на церковном кладбище св. Катарины.

Знаменитый поэт-трубадур Эверт Тоб грезил в своих путешествиях о Стокгольме. «Прекрасный город у синей воды» вспоминался ему и манил назад в Андах, на островах южных морей. Сама Анн Смит признавалась, что ее стихи о Стокгольме – «способ сделать город своим».

Особое место в создании «стокгольмианы» принадлежит Перу Андерсу Фогельстрёму, «певцу Сёдера», южного района столицы, автору целого цикла романов о Стокгольме. Бюст писателя даже установили возле Стокгольмской ратуши.

Жители шведской столицы очень любят свой город и гордятся им. Так, кинокритик Микаэла Чиндблум выпустила недавно книгу «Город нашей мечты», где описала художествен-

² Skaldernas Stockholm/Urval och inledning av Ann Smith. Malmö, 1989.

ные фильмы разных лет, посвященные Стокгольму³. Лучший, по ее мнению, режиссер, показавший городскую жизнь, – Хассе Экман. А лучшие фильмы, ставшие классикой, – «Норртульская компания» (Norrtullsligan, 1923), «Улица Кунгсгатан» (Kungsgatan, 1943), «Девушка и гиацинты» (Flicka och hyacinter, 1950). Первый фильм – экранизация одноименного романа Элин Вэгнер, о котором мы еще будем говорить в связи с Астрид Линдгрэн. Лучший фильм Хассе Экмана, «Девушка и гиацинты», довольно мрачен, так как рассказывает о пианистке, которая покончила с собой. В основу фильма о центральной улице столицы, Кунгсгатан, тоже положен роман известного писателя Ивара Лу-Юханссона, повествующий о печальной судьбе Марты, приехавшей в столицу из провинции. Это первый шведский фильм о проблеме проституции.

Карл Вернер Гуллерс – легендарный фотожурналист, запечатлевший образы Стокгольма и Швеции для всего мира. Его первый фотоальбом вышел в 1946 году и назывался «Летний Стокгольм». Эти фотографии стали сенсацией, потому что Гуллерс показал не только красивые виды города, но и самих горожан, простых людей с улицы. В 1995 году он издал свой сотый альбом под названием «Мое время»⁴.

Наиболее запоминающийся, магический образ Стокгольма в шведской живописи встречается на картинах Эжена Янссона, художника-импрессиониста рубежа XIX–XX веков. Именно к этому периоду относят обычно открытие художниками «скандинавского света», удивительного освещения северной столицы. Импрессионистическая, сумеречная живопись настроения связана с именами принца Евгения, Нильса Крейгера, Эжена Янссона. На знаменитой картине последнего, «Хурнsgатан ночью» (1902), изображена уходящая вдаль пустынная улица с мерцающими фонарями. Ощущение зыбкости передается плавными и крутыми линиями. В Национальном музее в Стокгольме есть целый зал, где представлены работы Янссона. Вас окружают странно светящиеся, сиренево-голубые и мрачно-синие картины, где неровный мазок, сферические плоскости и линии являют пластический образ города, вбирающий в себя и небо, и воду. Здесь отражен мотив большого города, но города парадоксально пустынного, без людей.

Картина Эжена Янссона «Рассвет над Риддарфьерден» (1899) в собрании галереи Вальдермарсудде вмещает в себя два огромных полукруглых пространства в сине-голубой гамме. Так художник видит небо и воды залива, а между ними тянется тонкая розоватая полоска, на фоне которой темнеют шпили стокгольмских соборов и мерцают уличные фонари на городских набережных, у самой кромки воды...

Таким же, по сути, изображается Стокгольм и в детских книгах Астрид Линдгрэн. Мы тоже увидим Стокгольм с неба и из воды и, скорее всего, согласимся с Астрид Линдгрэн в том, что «июньские вечера в Стокгольме не похожи ни на какие другие на свете. Нигде небо не светится таким редкостным светом, нигде нет таких сладостных, таких колдовских, таких синевато-прозрачных сумерек. И под сенью этих синеватых сумерек покоится на блеклых водах город, который словно выплыл из какого-то древнего предания и кажется неправдоподобно волшебным»⁵.

³ Kindblom M. Våra drömmars stad. Stockholm, 2006.

⁴ См. Vinberg B. Han har visat Sverige för hela världen//Expressen. 1995. 29 april.

⁵ Линдгрэн А. Карлссон, который живет на крыше, возвращается тайком/Собр. соч. в 6 тт. Т. 3. СПб., 1997. С. 288.

I. «НА СОВЕРШЕННО ОБЫКНОВЕННОЙ СТОКГОЛЬМСКОЙ УЛИЦЕ»...

По местам Астрид Линдгрэн в Стокгольме.

Стокгольм с высоты птичьего полета.

Карлссон на крыше и воздушные шары. Стокгольмец в космосе.

«На совершенно обыкновенной стокгольмской улице, в совершенно обыкновенном доме живет совершенно обыкновенная семья по фамилии Свантессон», – такими словами начинается первая повесть о Малыше и Карлссоне, написанная в 1955 году. На обыкновенной улице в Стокгольме прожила и сама Астрид Линдгрэн. С 1941 года и до конца жизни, до 2002 года, писательница жила в доме по Далагатан, с видом на парк Васа. Маргарета Стрёмстедт, биограф писательницы, так описывала скромную и непритязательную обстановку в этом доме: «Обстановка в квартире на Далагатан не изменилась с сороковых годов. Те же белые тюлевые занавески на высоких окнах, выходящих в парк Васа, диван, хотя и с другой обивкой, но все тот же, розово-красные стулья в цветочек и маленький круглый столик, тот же самый, что и на фотографиях 50-х и 60-х годов»⁶. Приверженность традиции и в то же время свобода от материальной привязанности. Некоторые книги Астрид Линдгрэн изображают стокгольмскую среду, но все же в основном ее творчество уходит корнями в края ее детства, южную провинцию Смоланд. Она родилась 14 ноября 1907 года и выросла в Нэсе, под Виммербю, в ее книгах обретает жизнь и собственное счастливое и безмятежное детство, и хуторская жизнь в южной Швеции, и удивительная история жизни ее родителей. В небольшой повести «Самуэль Август из Севедсторпа и Ханна из Хульта» Астрид Линдгрэн рассказала смоландскую историю любви, длиною в жизнь, которая соединила ее отца и мать. Крестьянский паренек влюбился в тринадцать лет в девочку Ханну и остался верен своему чувству до глубокой старости. В Нэсе они прожили вместе пятьдесят шесть лет, вырастив четверых детей, одной из которых была Астрид. Даже когда родителям перевалило за восемьдесят, они так же ласково и нежно относились друг к другу. Ханна ушла из жизни раньше своего мужа. А Самуэль Август продолжал любить ее до последнего часа, и в свои девяносто четыре года сказал дочери, когда та навестила его в последний раз: «Да, дитя мое, какая мать у тебя была!»

Маргарета Стрёмстедт, приступая к написанию биографии Астрид Линдгрэн, признавалась, что о великой сказочнице уже все известно и понятно, и трудно что-либо добавить к ее образу. «С середины 40-х годов об Астрид Линдгрэн было написано больше сотни тысяч статей, заметок, рецензий, интервью, репортажей. Да и сама она при различных обстоятельствах рассказывала о своем детском окружении, о прочитанных ею книгах, и, таким образом, наметила контуры биографической основы своих произведений. Необычайно счастливое, спокойное и гармоничное детство, прошедшее в пасторской усадьбе Нэс на окраине небольшого города Виммербю в Смоланде, где она жила вместе с двумя сестрами, братом и родителями, так преданно любившими друг друга, что их жизнь служила наглядным примером того, на что может быть способна настоящая любовь. Служба в конторе в Стокгольме 20-х годов. Замужество. Двое детей – одна из которых, младшая дочь Карин, как-то раз, словно бы из ничего, вдруг придумала фантастический персонаж, которого назвала Пеппи Длинныйчулок. «Расскажи мне о Пеппи Длинныйчулок», – попросила она свою мать зимой 1941 года, когда слегла с воспалением легких»⁷.

⁶ Стрёмстедт М. Великая сказочница. Жизнь Астрид Линдгрэн. М., 2002. С. 266.

⁷ Там же. С. 8.

По местам Астрид Линдгрэн в Стокгольме

Итак, Астрид Линдгрэн, тогда Эрикссон, приехала в шведскую столицу в 1920-е годы и устроилась на курсы стенографии и машинописи. «Элин Вэгнер в легких и остроумных романах – «Нортульская компания» и «Беспокойный квартал» – описала бедных девушек, конторских служащих, в Стокгольме в 1910-е годы. Изнуряющая работа за низкое жалованье, жизнь в маленьких тесных комнатках пансиона, проделки и шалости, солидарность и начало профсоюзной борьбы, мечты и разбитые иллюзии.

Девушки-служащие из деревни и бедные служащие-горожанки, которые были вынуждены обходиться нищенским заработком, платить за комнату, еду и одежду, часто жили за гранью прожиточного минимума»⁸. В 1910–20-е годы в Швеции была высокая безработица, поэтому тот, кто все же находил работу, довольствовался тем, что имел. Астрид Линдгрэн делила комнату с другой конторской служащей, по имени Гун, в квартире с общей кухней на улице Атласгатан. В письмах домой в конце 1920-х годов, которые приводит в своей книге Маргарета Стрёмстедт, мы видим тягостные будни стокгольмской жизни, быт молодых конторских служащих. В письмах Астрид благодарит родителей за их продуктовые посылки из Нэса: «Тысячу раз спасибо за корзину и письмо! Ай да хлеб! После дешевых булочек и безвкусных батонов такой хлеб – просто блаженство! Какое истинно редкое удовольствие отрезать себе добрый ломоть хлеба, затем намазать чудного масла из маслобойни Виммербю, сверху положить кусок матушкиного сыра и наконец все это с жадностью проглотить!»⁹ А вот что Астрид могла в те годы купить в Стокгольме за одну крону: «Тысячу раз спасибо, милая бабушка, за одну крону к моим именинам! Здесь, в Стокгольме, бывают минуты, когда одну крону считаешь верхом богатства, и Ваша крона подспела как раз в такую минуту. Я долго думала, стоит ли мне потратить ее на поездку в трамвае в случае необходимости или добавить 50 эре и сходить в парикмахерскую, но, в конце концов, прокутила ее на чашку кофе и венскую булочку. Тысячу раз спасибо, милая бабушка! Я была очень тронута, увидев монетку на дне корзины»¹⁰.

В 1931 году Астрид Эрикссон стала Линдгрэн, и семья поселилась в двухкомнатной квартире на Вулканусгатан, а затем ее адресом на долгие годы станет Далагатан, 46, второй этаж, в стокгольмском районе Васастан. Повседневная жизнь уже знаменитой писательницы была самой обычной. Как вспоминала в одном из интервью ее дочь, Карин Нюман, в первой половине дня Астрид Линдгрэн оставалась дома и стенографировала свои собственные книги, а во второй работала редактором в издательстве «Рабен о Шёгрэн». Затем она шла домой и ужинала в кругу семьи¹¹. «В течение многих лет Астрид Линдгрэн вела простую устоявшуюся жизнь, едва ли выше среднего уровня. Она до сих пор снимает ту же квартиру в Васастане, что и в 40-е годы. За все это время она пожертвовала большие суммы отдельным лицам и организациям... и не занималась покупкой акций или подобными способами вложения денег. Самой крупной инвестицией для Астрид Линдгрэн стал выкуп и реставрация дома своего детства в усадьбе Нэс в Виммербю»¹². В 1980-е годы в Виммербю появился «Мир Астрид Линдгрэн» – сказочный парк, где вас встречают герои из произведений писательницы. Это главный музей Линдгрэн в Швеции. Что же касается Стокгольма, то неподалеку от Северного музея и музея корабля «Васа» находится Юнибаккен, упоминавшийся выше. Мы вновь видим здесь придуманных Линдгрэн героев, прокатившись в «Сказочном поезде». В юбилейный 2007 год, год столетия со

⁸ Там же. С. 143.

⁹ Там же. С. 145.

¹⁰ Там же. С. 146.

¹¹ Olsson L. Astrids dotter//Dagens nyheter. 2007. 29 januari.

¹² Стрёмстедт М. Великая сказочница. Жизнь Астрид Линдгрэн. М., 2002. С. 206.

дня рождения писательницы, музей Юнибаккен устроил выставку «Карлссон, который живет на крыше». Декорации игровой площадки изображали Васастан пятидесятих годов и крыши домов, по которым могли, вслед за Карлссоном, ползать дети. Рядом с музеем – прекрасная скульптура Астрид Линдгрэн, сидящей с книгой на коленях. А в ее любимом парке Васа, рядом с которым она жила, после смерти писательницы увековечили ее имя: теперь здесь имеется «терраса Астрид Линдгрэн».

Есть небольшая ее скульптура и в парке Тегнерлунден. Парк этот находится на возвышении и открывается сразу же за углом музея-квартиры Августа Стриндберга, если подниматься к нему по улице Дроттнинггатан. И кстати, главной достопримечательностью парка считается скульптура великого шведского писателя и драматурга.

...Я поднимаюсь по опоясывающей этот парк-горку дорожке и выхожу на другую его сторону, где бегущая сверху по камням вода образует небольшой бассейн. Вокруг стоят лавочки, в бассейне плещутся голенькие детишки, высокие тенистые деревья окружают этот оазис зелени в центре города. Возле скамейки, где я сижу, скромная табличка, текст которой гласит, что именно здесь сидел в далекие 1950-е годы маленький герой сказочной повести Линдгрэн «Мию, мой Мио!»

Стокгольм с высоты птичьего полета

Известен реальный факт из биографии писательницы: каждый день по дороге от Далагатан до издательства «Рабен о Шёгрэн» Астрид Линдгрэн проходила через этот парк и как-то раз заметила в сумерках одинокого мальчика, сидевшего на скамейке. Так родился образ Мио. В сказочной повести рассказывалось о девятилетнем мальчике, которого звали Бу Вильхельм Ульссон. Он живет рядом, на улице Уппландсгатан у приемных родителей, и часто гуляет в Тегнерлунден, чувствуя себя очень одиноким. Однажды он сел на скамейку в парке. «Там не было ни души. Наверное, все ушли ужинать. Смеркалось, накрапывал дождь. В домах вокруг парка зажглись огни. <...> Наверно, повсюду, где горит свет, дети сидят возле своих пап и мам. Только я здесь один, в темноте»¹³. И тут начинаются волшебные превращения. Дух из простой пивной бутылки берет мальчика с собой в страну Дальнюю. «Вокруг нас что-то загудело, и мы полетели ввысь. Далеко внизу остались парк Тегнера, темная роща и дома, где в окнах горел свет, и дети ужинали вместе со своими папами и мамами. А я, Бу Вильхельм Ульссон, был уже высоко-высоко в звездных краях»¹⁴.

Любопытно заметить, что этот герой Астрид Линдгрэн смотрит на Стокгольм из небесной выси. Однако наиболее знаменитым остается все же Карлссон, который живет на крыше. Именно он увековечил для нас вид Стокгольма с высоты птичьего полета. У Карлссона есть точный адрес: в одном из интервью писательница однажды назвала дом, где она сама жила раньше и где на крыше будто бы прятался домик Карлссона. Это Вулканусгатан, 12. «Дома стояли вплотную друг к другу, и можно было переходить с одной крыши на другую. Здесь было столько разных затейливых выступов над чердачными окнами, сточных труб, уголков и углублений! Карлссон был прав, говоря, что соскучиться здесь нельзя»¹⁵... Но какой же именно Стокгольм показывает Малышу и нам ее герой? Это, прежде всего, городской район Васастан пятидесятих годов, где жила Астрид Линдгрэн. «Малыш ощущал запахи цветущих на улице лип, он слышал далеко внизу стук каблучков по камням мостовой. Люди вышли из своих домов и прогуливались в этот прекрасный июньский вечер. И Малышу казалось, что стук этот звучит тоже как-то по-летнему. Из окружающих домов доносились голоса, ведь вечер был так тих, и

¹³ Линдгрэн А. Мио, мой Мио!/Собр. соч. в 6 тт. Т. 4. СПб., 1999. С. 10.

¹⁴ Там же. С. 12.

¹⁵ Линдгрэн А. Карлссон, который живет на крыше/Собр. соч. в 6 тт. Т. 3. СПб., 1997. С. 106.

все было так явственно слышно. Люди болтали и пели, и ругались, и кричали, и смеялись, и плакали, не зная, что наверху на крыше сидел мальчик и прислушивался ко всему почти как к чудесным звукам музыки»¹⁶.

Малыш и Карлссон гуляют по крышам, находя это занятие весьма увлекательным. А Карлссона называют «привидением из Васастана», так что именно этот городской квартал и присутствует в качестве фона для приключений героев Астрид Линдгрэн. Дело житейское... Городские крыши создают неповторимый силуэт. Издалека видны их декоративные элементы: башенки, шпили, флюгеры, урны и статуи. Крыши в Стокгольме покрывали черепицей, медными пластинами, шифером. Но чаще всего здесь встречаются железные крыши, традиционно черного или красного цвета.

Когда Спартак Мишулин, игравший нашего Карлссона в Театре сатиры, приехал в Швецию, он вместе с Астрид Линдгрэн побывал в ее старой квартире на Вулканусгатан. В одном интервью актер вспоминал, что они позвонили в дверь, и им открыл человек по фамилии Карлссон. А работал новый жилец... трубочистом! Вот такие совпадения.

Трубочистов в Стокгольме много, хотя настоящим городом трубочистов, как правило, считается Копенгаген. Люди этой профессии объединены в Шведский союз трубочистов, существующий с 1915 года. Само же ремесло восходит к Средним векам. У шведских королей всегда были собственные трубочисты, ведь во дворцах случались и пожары, так что за трубами надо было следить. В Швеции издавна повелось устраивать праздник, после того как над строящимся домом возведена крыша (taklagsfest, taklagsöl). Если нет повода для беспокойства и волнений, то шведы употребляют такое выражение: «На крыше все спокойно» (Ingen fara på taket).

«Слово о крыше» – так многозначительно назвал свое эссе фотохудожник Владимир Березин, участник фотопроекта «В поисках Карлссона»:

«Крыша – слово в русском языке странное, шелестящее, будто трубочист, скатывающийся по жести к гибельному краю. В знаменитой истории про профессора, который, приехав в город Берн, не заметил цветок на окне, есть такой эпизод: профессора спрашивают на проваленной явке:

– У вас надежная крыша?

– А я живу на втором этаже, – не поняв, отвечает тот. <...>

Зато искусство долгих полетов освоил другой, настоящий швед – в меру упитанный мужчина в полном расцвете жизненных сил. И крыша у настоящего шведа была что надо – прочная, такая, что можно было поставить на ней домик с крылечком и зелеными ставенками»¹⁷.

Конечно, можно и дальше развивать ассоциации с многозначным в русском и шведском языках словом «крыша», но следует вспомнить, что Карлссон – не единственный швед, который любил летать над крышами города. В самой шведской литературе существует устойчивый образ Стокгольма, увиденного с высоты птичьего полета, и Астрид Линдгрэн продолжила эту традицию. Обратимся к другой известной шведской писательнице, Сельме Лагерлёф. Ее герой Нильс летит со стаей диких гусей через всю Швецию и, долетев до столицы королевства, сверху взирает на нее. Глава о Стокгольме в путешествии Нильса называется «Город, который плавает на воде». «Мальчик посмотрел вперед, но сперва ничего не увидел, кроме светлой и прозрачной дымки тумана, клубившегося над водой. Но потом он стал различать высокие башенные шпили и дома со множеством окон... Все строения, казалось, покоились на воде»¹⁸. Нильс видит внизу узкие заливы и бухточки озера Меларен, мелкие островки. «Когда город остался позади, туман рассеялся и берега, воды и острова стали отчетливо видны. Мальчик обернулся,

¹⁶ Линдгрэн А. Карлссон, который живет на крыше, возвращается тайком/Собр. соч. в 6 тт. Т. 3. СПб., 1997. С. 289–290.

¹⁷ Шведские новости. Москва: Посольство Швеции. 2001, май, N 2. С. 20.

¹⁸ Лагерлёф С. Удивительное путешествие Нильса Хольгерсона с дикими гусями по Швеции. М., 1987. С. 343.

надеясь получше разглядеть город, но он выглядел теперь еще необычнее. Прозрачная дымка, словно отняв краски у солнечного сияния, парила над городом, отливая ярчайшим багрянцем и то ли синевой, то ли золотом. Дома были ослепительно белыми, будто сотканными из света, а окна и башенные шпили сверкали огнем. И все, как и прежде, плыло по воде»¹⁹.

Панорама города предстает перед нами и в знаменитом романе «Красная комната», написанном еще в XIX веке Августом Стриндбергом, классиком шведской литературы. Первые же страницы давно стали хрестоматийными: «Маленький парк на Моисеевой горе еще не открыли для публики... А далеко внизу шумел и грохотал недавно пробудившийся город: в гавани скрипели и визжали паровые лебедки; громыхали на весах железные брусья; пронзительно звучали свистки шлюзовщиков; пыхтели пароходы у причала; по неровной мостовой, гремя и подпрыгивая, двигались омнибусы; и еще разноголосый гомон рыбного рынка, паруса и флаги, трепетавшие на ветру над проливом, крики чаек, сигнальные гудки со стороны Шепсхольмена, команды, доносившиеся с военного плаца Сёдермальмсторг, стук деревянных башмаков рабочего люда, сплошным потоком идущего по Гласбрюкскатан, – казалось, все вокруг находится в непрерывном движении»...²⁰ Стриндберг показывает нам город в звуках и движении, в ритме повседневной жизни, выбрав при этом для обзора возвышенную точку южного квартала, Сёдермальма, – а именно, Моисееву гору, или Мосебаккен.

В Стокгольме много высоких точек, откуда открывается прекрасная панорама города. Поднявшись на башню Ратуши (ее высота – 106 метров), я поняла, что самые красивые виды Стокгольма фотографы снимают именно отсюда. Классический ракурс – Старый город, включая Риддархольмен. Но Ратуша – не единственное высокое здание в городе. В редакционном здании газеты «Дагенс нюхетер», построенном в начале шестидесятых, есть ресторан «Турнет» («Башня»). Он расположен на 23 этаже, на высоте 84 метра. Из ресторана открывается вид на весь Риддарфьерден (Рыцарский залив). А одно из самых высоких зданий в Стокгольме – телебашня Какнэстурнет, открытая в 1967 году. Это 34-этажное сооружение высотой 155 метров. Здесь есть и смотровые площадки, и ресторан «28-й этаж», откуда виден весь город.

Желание взглянуть на Стокгольм сверху понятно. Ведь город раскинулся на островах, и прихотливое сочетание суши и воды в стокгольмских шхерах представляет собой действительно впечатляющее зрелище. К концу XX века стокгольмские крыши становятся символом неподвластности времени, незыблемости, взаимопроникновения прошлого и настоящего, и шведские поэты воспринимают город сквозь призму его истории. Ульф Эрикссон в стихотворении «Стокгольм, май» (1986) пишет о крышах города: «Они лежат в истории»... Следя в сумерках за воздушными шарами над крышами Стокгольма, поэт внезапно понимает: «Все слегка отдаленно, даже Настоящее будто вдалеке»... Что же касается воздушных шаров, то они давно уже стали приметой летней жизни в городе.

Карлссон на крыше и воздушные шары

Как известно, Карлссону для полета воздушный шар не требовался. «В самолете или вертолете летать могут все, но никто, кроме Карлссона, не может летать сам по себе. Стоит ему нажать кнопку у себя на пупке, и – ж... ж... ж... ж!.. – на спине у него включается хитроумный моторчик. Несколько секунд Карлссон стоит на месте, покуда мотор раскручивает винт. Когда же мотор наберет нужную скорость, Карлссон поднимается и парит в воздухе так широко и важно, как какой-нибудь начальник бюро, если только можно представить себе начальника бюро с моторчиком и пропеллером на спине»²¹.

¹⁹ Там же. С. 343–344.

²⁰ Стриндберг А. Красная комната. М., 1989. С. 24–25.

²¹ Линдгрэн А. Карлссон, который живет на крыше/Собр. соч. в 6 тт. Т. 3. СПб., 1997. С. 69–70.

Воздушный шар задумывался по принципу «легче воздуха». Классический воздушный шар работал на водородном газе, а современный поднимается ввысь благодаря нагретому воздуху. Раньше, чтобы подняться в воздух, сбрасывали балласт, а чтобы снизиться – выпускали газ. Теперь же используют горелку для подъема, а для спуска открывают вентиль. К шару крепится корзина или гондола для пассажиров. Первый воздушный шар, диаметром более 10 метров, был сконструирован во Франции братьями Монгольфье (Жозеф Мишель и Жак Этьен Монгольфье) и поднял в воздух пассажиров в 1783 году. Аэростат пролетел два километра на высоте 500 метров за десять минут. С тех пор шары назывались еще по имени изобретателей монгольфьерами.

Ханс Кристиан Андерсен упоминает шар в своей сказке «Муза нового века» (1861). Описывая поэзию будущего, великий датский сказочник перечисляет чудеса техники своего времени, те «транспортные средства», на которых явится Муза: «В одно прекрасное весеннее утро она примчится на паровозном драконе, ... или по бурному морю, верхом на фыркающем дельфине, или по воздуху, на птице Рух, созданной Монгольфье, и спустится на землю»²². Воздушный шар уподоблен здесь мифической птице. А в сказке «Блоха и профессор» (1873) главным героем выступает воздухоплаватель, которому не повезло, так как шар его лопнул в полете и упал, а сам он разбился. Но сын его не переставал мечтать о воздушном шаре. Став профессором цирка и выступая с дрессированной блохой, он объездил все страны и добрался до Страны Дикарей, где его удерживали силой. Тогда он сконструировал себе воздушный шар и, обманув дикарей, улетел от них.

В истории воздухоплавания Швеции известен трагический исход путешествия, предпринятого инженером Андре. В 1897 году полярный исследователь Саломон Август Андре попытался с двумя членами экипажа достичь Северного полюса на воздушном шаре «Эрнен» («Орел»). Экипаж погиб на Шпицбергене. Известный шведский писатель Пер Улов Сундман написал об этой научной экспедиции документальный роман «Полет инженера Андре» (1967), а режиссер Ян Труэлль в 1980-е годы снял по роману знаменитый фильм, в котором главную роль исполнил Макс фон Сюдов. С экрана на зрителей медленно плыл гигантский воздушный шар, завораживающе прекрасный на фоне снегов.

Газовый шар «Орел» стартовал 11 июля 1897 года с острова в архипелаге Шпицберген в Баренцевом море. Команда рассчитывала оказаться на Северном полюсе через тридцать дней. Но шар рухнул на землю через три дня полета, и экипаж погиб во льдах. В фильме Яна Труэлла показывается страшный эпизод, когда на людей нападает белый медведь. На экспедицию возлагались большие надежды, и среди тех, кто ее финансировал, были тогдашний король Швеции Оскар II и Альфред Нобель. Только в 1930 году были найдены останки путешественников и сам воздушный шар, а также, что было необычайно ценным, – дневники инженера Андре, из которых и стало известно, что люди продержались в условиях полярной зимы с июля по октябрь 1897 года.

Начиналось же все гораздо позже, чем во Франции. Первый человек поднялся на воздушном шаре со шведской земли в 1806 году, но был он не швед, а бельгиец, Этьен Робертсон, живший в Стокгольме и впервые совершивший полет над столицей²³. А первым шведом, поднявшимся на шаре, оказался граф Пер Амбьёрн Спарре (1851). Любопытно, что в истории полетов над Стокгольмом есть и трагический случай, связанный с русским. В 1890 году некий юноша, по имени Виктор Ролла (Viktor Rolla), участвовал в цирковом представлении: воздушный шар стартовал с уже знакомой нам Моисеевой горы, или Мосебаккен, и надо было затем совершить прыжок с парашютом. Русский циркач разбился, и саму трагедию запомнили надолго, сочинив о ней даже известную в те годы песню.

²² Андерсен Х. К. Собр. соч. в 4 тт. Т. 2. М., 2005. С. 223.

²³ См. www.ungermark.se

Вообще рубеж XIX–XX вв. был золотым веком воздухоплавания. Полеты на аэростатах становились респектабельным видом спорта. В 1900 году в Швеции было создано Шведское общество аэронавтики (SAS), являвшееся одной из первых подобных организаций в мире. С 1921 года оно называется Королевским шведским аэроклубом (KSAK).

После некоторого периода забвения в мире происходит возрождение интереса к воздухоплаванию, начавшееся в 1960-е годы. В 1973 году был проведен первый чемпионат мира по воздухоплаванию в США, а в 1977 году состоялся первый чемпионат Швеции. Шведская федерация воздухоплавателей, созданная в 1972 году, объединила различные спортивные клубы страны. За последние тридцать лет в Швеции зарегистрировано около трехсот воздушных шаров. С середины 1980-х годов шары используются в основном в коммерческих целях.

В богатых странах давно уже привыкли к плавно скользящим в небе гигантским тепловым аэростатам. Богатых – потому, что это – дорогое удовольствие. Аэронавтикой обычно занимаются очень состоятельные люди. Во всем мире популярны воздухоплавательные фестивали, и самый известный из них проводится в США.

Воздухоплавание позволяет подняться над повседневной суетой. Забавно, что ощущение полета задает тон в известной советско-финской комедии «За спичками». Взгляд на земные дела «сверху» сопровождается песней «Как хорошо подняться в облака»... – под которую показывается панорама страны тысячи озер, Финляндии.

В Швеции имеется немало фирм по воздухоплаванию, и старейшая из них, основанная в 1981 году, – «Фар о флюг» («Far och flyg»), совершила уже тысячи полетов на шарах – туристических и рекламных. В мае-сентябре она устраивает полеты в Стокгольме, Гётеборге, Вестеросе. Цена полета достигает двух тысяч крон, но можно обойтись и суммой в тысячу крон. Есть также много других фирм, которые устраивают полеты только в Стокгольме. Полет на воздушном шаре используют для того, чтобы отметить день рождения, провести церемонию бракосочетания, устроить корпоративную вечеринку, совершить прыжок с парашютом. Считается, что лучше всего летать на шаре утром или вечером. Но насколько опасен сам полет? Вас уверяют, что это – самое безопасное средство. С тех пор как в Швеции совершаются полеты, а начались они в 1969 году, случилась одна-единственная авария, когда в феврале 1996 года в Упсале шар налетел на электропровода. В корзине находилось три человека.

Сегодня в любом туристическом справочнике Стокгольма можно увидеть объявления о полете на воздушном шаре над столицей. В корзине шара уместятся от трех до двадцати человек, сам полет может длиться один-два часа, а размеры шара сравнимы с девятиэтажным домом. Однако вместе с приготовлениями к полету и обязательным шампанским после приземления он занимает около четырех часов. Расстояние полета обычно 8–15 км, высота – от 150 до 600 м. Участникам выдается диплом о совершенном полете. После приземления устраивается пикник. Стокгольм – единственный город мира, где разрешается пролететь на воздушном шаре над самым центром.

Стокгольмец в космосе

Крупнейшая шведская газета «Дагенс нюхетер» писала как-то о ностальгии по Нильсу Хольгерссону в Швеции. Зимой 2006 года излюбленным образом столицы вновь стал «вид с птичьего полета». Вышли в свет для великолепных фотоальбома – «Швеция сверху» и «Чудесное путешествие» – прямой намек на Нильса!²⁴ Кстати, знаменитая книга Сельмы Лагерлёф отметила в 2006 году столетний юбилей, а журналист Ларс Вестман из журнала «Ви» нашел в США могилу настоящего Нильса Хольгерссона (1901–1985), – так звали приемного сына

²⁴ Bygdemark L. Sverige från ovan. Stockholm, 2006; Magnusson R., Wallen A. Den underbara resan. Stockholm, 2006.

писательницы²⁵. Нильс вырос в усадьбе Морбакка, но в двадцатые годы эмигрировал в США. Он был строителем, одним из многих шведов, которые построили Чикаго. На его надгробном памятнике вырезан летящий дикий гусь с маленьким мальчиком на спине.

Но главное событие зимы 2006 года, которое вновь заставило всех восхищаться панорамой, открывающейся сверху, – это полет в космос первого в истории шведского астронавта, Кристера Фуглесанга.

Будущий астронавт родился в 1957 году, когда был запущен первый советский «Спутник», и с детства мечтал полететь в космос. По профессии Кристер – физик, учился в Стокгольмской технической школе, затем защитил диссертацию в Стокгольмском университете (1987). Однажды его друг показал ему вырезку из «Дагенс нюхетер» с объявлением Шведского космического агентства: «Требуется астронавт». Конкурс проводился по просьбе Европейского космического агентства, и более пяти тысяч европейцев прислали свои заявления, из них – 294 шведа. Приняли только шесть человек, в том числе и Фуглесанга. В 1992 году он стал астронавтом Европейского космического агентства и приступил к тренировкам в Звездном городке. Он прожил в Москве три года, готовясь к полету на станцию «Мир», который был намечен на 1995 год, но тогда вместо него полетел немец, Томас Райтер. В 1996 году Кристер Фуглесанг переехал в США, в Хьюстон, и стал готовиться к полету по программе НАСА. Сам он говорит о себе так: «Я – стокгольмец, швед, европеец, а еще – русский и американец».

10 декабря 2006 года сбылась многолетняя мечта Кристера Фуглесанга: он полетел в космос, причем в тот день, когда в Швеции отмечают день Нобеля²⁶. За время пребывания на орбите швед выходил в открытый космос и провел сеанс связи со шведской кронпринцессой Викторией. Экипаж был международным, и каждый взял с собой в космос запись любимой песни. Жена шведского астронавта Лиза дала ему на орбиту запись группы АББА «Ватерлоо».

Вернувшись на землю, Кристер Фуглесанг получил в подарок от газеты «Дагенс нюхетер» фотоальбом с видами «Стокгольма сверху». Ведь он стал первым «невесомым» репортером газеты, которая публиковала его материалы о ходе полета и научных экспериментов в космосе. При встрече вспомнили, что скоро астронавту исполняется пятьдесят лет, и заговорили о традиции, согласно которой многие шведы к этому юбилею получают в подарок полет на воздушном шаре. Тут-то и выяснилось, что побывавший в космосе Кристер Фуглесанг не видел родного города с высоты птичьего полета, так как он ответил: «А ведь я в действительности никогда не летал на воздушном шаре над Стокгольмом. Думаю, было бы прекрасно совершить такой полет. На любом расстоянии всегда можно увидеть что-то новое»²⁷. В день своего рождения 18 марта астронавт все-таки совершил полет, но не на шаре: его друг, летчик-испытатель, подарил ему час полета над Балтикой на лучшем боевом самолете шведских ВВС – JAS 39 Gripen.

²⁵ Westman L. Vi besöker Nils Holgerssons grav i USA//Vi. 2006, oktober. S.94–96.

²⁶ Ohlsson E. 10 december: Christers himmelfärdsdag//Dagens nyheter. 2006. 11 december.

²⁷ Gyllenberg E.-K. En lång dag full av hyllningar//Dagens nyheter. 2007. 26 januari.

II. «МИР ТАК ВЕЛИК, И НА СВЕТЕ ТАК МНОГО ДОМОВ!»

Городские кварталы и их жители. Уличная жизнь, свои «Монмартр» и «Сибирь».

Викинги в Стокгольме? Об истории города.

«Швеция в миниатюре»: страна и столица в XX веке.

Пора заходить на посадку. Пусть наш воображаемый воздушный шар понемногу снижается над Стокгольмом. «Мир так велик, и на свете так много домов!» – глубокомысленно изрекал Карлссон. Скопление домов под нами образует собой исторические кварталы города. Сегодня в Стокгольме живет более 700 тысяч жителей, а большой Стокгольм (с пригородами) включает около полутора миллиона.

Городские кварталы и их жители. Уличная жизнь, свои «Монмартр» и «Сибирь»

Как в каждом городе, в Стокгольме есть свой центр, от которого и пошло затем строительство, освоение окраин. Здесь это – Гамла стан (Старый город). Его называют еще «городом между мостами», так как он находится на островах, соединенных мостами с остальными кварталами на севере и юге. В нем насчитывается около трех тысяч жителей. Известный современный писатель Ян Мортенсон, кадровый дипломат, многие годы проработавший в здании МИД, окна которого выходят на Старый город, написал целую серию детективных романов об антикваре Хумане. Его герой живет в Гамла стан, он большой любитель старины и знаток истории города, как и сам автор. В одном из своих романов Ян Мортенсон описывает происхождение Стокгольма: «Старый город – часть Брункебергской гряды, он поднялся из воды примерно за две тысячи лет до нашей эры, а Хельгеандсхольмен возник всего тысячу лет назад. Вот почему Стокгольм так и расположен. <...> Король Швеции должен был владеть долиной Меларена, иначе ему бы и королем не стать. Ведь это, как говорится, самая сердцевина, лакомый кусок. Там расположены Сигтуна и Упсала. Торговые города и богатые земли. Но чтобы добраться туда и выбраться оттуда, нужно было пройти «ворота». В старину плавали через Сёдертелье и другие места, но суша поднималась, уровень воды падал, водные пути мелели, и в итоге остался всего один, у Хельгеандсхольмена. Оттого там и понастроили укреплений и рогаток, а в самой высокой части Стадсхольмена, как называли тогда Старый город, воздвигли из камня оборонительную башню, и произошло это в конце двенадцатого века. Башня получила имя Три Короны, с нее-то и начался старый замок. В борьбе за власть ярл Биргер разгромил своих соперников, обосновался у самых «ворот» и приступил к строительству Стокгольмского замка. <...> Вон там, на Стадсхольмене проходил тракт из Сёдерманланда в Упланд. А здесь встречались озеро Меларен и Балтийское море. Можно ли представить себе более удобное место для торговли? Правда, потом суша поднялась еще больше, крупные суда уже не могли пройти в Меларен, приходилось все перегружать. А замок рос»²⁸

²⁸ Мортенсон Я. Кубок Нерона//Скандинавия. Литературная панорама. Выпуск 2. М., 1991. С. 516–517.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.